

были исключительно неблагоприятными для СССР условия как в отношении платежа, так и в отношении сроков выполнения заказов и поставки того оборудования, которое было вывезено. Политика Правительства США в отношении советско-американской торговли была на протяжении 1940 г. составной частью общей политики, направленной на всемерную помощь Англии при одновременном экономическом нажиме на СССР, продиктованном иллюзиями о возможности повлиять на внешнюю политику СССР в отношении других стран, и прежде всего Германии [4].

Эти отчеты и стали тем фундаментом, на котором строилась настойчивость миссии генерала Голикова. Эти данные позволяли укрепить уверенность в том, что США смогут оказать помощь поставками в СССР в тяжелейший период войны. По итогам миссии был создан Межправительственный комитет помощи СССР. В комитет вошли представители США (Гопкинс), СССР (Уманский) и Великобритании (Пэрвис). Комитет и решал вопросы по будущим поставкам в СССР и другие страны.

Источники и литература

1. Джонс, Р. Х. Ленд-лиз. Дороги в Россию. Военные поставки США для СССР во Второй Мировой войне. 1941–1945 / Р. Х. Джонс. – М. : Центрполиграф, 1969. – 430 с.
2. Стеттиниус, Э. Ленд-лиз – оружие победы / Э. Стеттиниус – М. : Вече, 2000. – 400 с.
3. Письмо советника полномочного представительства СССР в США А. А. Громыко народному комиссару иностранных дел СССР В. М. Молотову о состоянии экономики США. 24 января 1940 г. – URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/197908-pismo-sovetnika-polnomochnogo-predstavitelstva-sssr-v-ssha-a-a-gromyko-narodnomu-komissaru-inostrannyh-del-sssr-v-m-molotovu-o-sostoyanii-ekonomiki-ssha-24-yanvarya-1940-g#mode/inspect/page/1/zoom/4> (дата обращения: 06.03.2026).
4. Политическое письмо советника полномочного представительства СССР в США А. А. Громыко народному комиссару иностранных дел СССР В. М. Молотову об экономическом положении и внешней торговле США в 1940 г. 9 апреля 1941 г. – URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/197943-politicheskoe-pismo-sovetnika-polnomochnogo-predstavitelstva-sssr-v-ssha-a-a-gromyko-narodnomu-komissaru-inostrannyh-del-sssr-v-m-molotovu-ob-ekonomicheskom-polozhenii-i-vneshney-torgovle-ssha-v-1940-g-9-aprelya-1941-g#mode/inspect/page/1/zoom/4> (дата обращения: 06.03.2026).

УДК 94:327.7((47+57)+73+410)«1943»:94:327((47+57):438)

В. В. Герасименко, Н. Н. Мезга
Гомельский государственный
университет имени Ф. Скорины

ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС В СОВЕТСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ В КОНТЕКСТЕ МОСКОВСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ МИНИСТРОВ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР, США И ВЕЛИКОБРИТАНИИ

В статье рассматривается советская политика по польскому вопросу в условиях подготовки и проведения Московской конференции министров иностранных дел в 1943 г. Установлено, что усилия советского правительства были нацелены в первую очередь на обеспечение международного признания советско-польской границы, существовавшей на момент начала Великой Отечественной войны. Важнейшим инструментом при решении этой задачи стали усилия Москвы по дискредитации польского правительства в Лондоне как проводящего враждебную по отношению к СССР политику, провоцирующего противоречия в отношениях внутри Антигитлеровской коалиции. Важнейшим успехом советской дипломатии в рассматриваемый период стало то, что благодаря её усилиям проблема польско-советской границы стала предметом переговоров Москвы не с польским правительством, а с Лондоном и Вашингтоном.

Вопрос о проведении первой встречи «большой тройки» стал центральным в дипломатических контактах союзников с середины 1943 года. Но, прежде чем лидеры могли собраться за одним столом в Тегеране в конце ноября, требовалось преодолеть значительные разногласия по ряду вопросов, и среди них был вопрос о границах и статусе Польши. Для советского руководства подготовка к конференции означала не просто планирование будущих военных операций, но и дипломатическое закрепление тех перемен, которые произошли в ходе войны, особенно в Восточной Европе. Польша, как страна, через территорию которой прошла линия раздела сфер влияния по пакту Молотова-Риббентропа, являлась важнейшим участком произошедших перемен. Поэтому польский вопрос являлся ключевым элементом советской политики формирования нового международного порядка в Центрально-Восточной Европе.

Важным этапом обсуждения польского вопроса в преддверии встречи «большой тройки» стала Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании в октябре 1943 г. Именно здесь, за месяц до Тегерана, советская сторона изложила союзникам свою позицию относительно Польши. Еще до начала англо-американской Квебекской конференции в августе 1943 г. И. В. Сталин согласился на предложение У. Черчилля организовать встречу глав правительств СССР, Великобритании и Соединённых Штатов, если будет такая возможность [1, с. 423–424]. Вместе с тем советский лидер сообщил, что лишен возможности отлучиться от фронта и направиться в места, находящиеся на большом расстоянии от Москвы. И. В. Сталин предложил организовать встречу представителей трех государств, ведающих иностранными делами, на которой заранее договориться о месте, времени и о круге вопросов, подлежащих обсуждению главами государств [2, с. 141–142]. В более поздних посланиях И. В. Сталин продолжал настаивать на Москве как месте проведения конференции министров иностранных дел, что к началу сентября было согласовано. Встречу решили провести в начале октября [2, с. 157].

Требование советской стороны относительно конкретной повестки и чётких позиций союзников перед конференцией в Москве не нравились ни в Лондоне, ни в Вашингтоне. Союзники не желали посвящать СССР в свои замыслы. У. Черчилль и Ф. Д. Рузвельт считали нежелательным заблаговременное изложение взглядов по всем запрашиваемым Москвой вопросам. Оба лидера предпочитали, чтобы встреча имела исследовательский характер, подчёркивалось преимущество свободной дискуссии [3, с. 38]. Но советский лидер был с этим не согласен, считая, что конференция в Москве должна носить практически-подготовительный характер, чтобы можно было избежать задержки в принятии решений по важным вопросам [3, с. 38–39]. Стремление советской делегации детально проработать повестку дня объяснялось желанием заранее понять позиции союзников и тем самым обеспечить управляемый ход переговоров. Данная позиция во многом объяснялась недоверием советского руководства к намерениям Великобритании и США. В записке «К предстоящему заседанию в Москве министров иностранных дел» заместитель наркома иностранных дел В. Г. Деканозова были выдвинуты опасения, что предложенное англичанами и американцами совещание трёх министров имеет цель отвлечь внимание СССР и мировой общественности от вопроса об открытии второго фронта в Европе, а совещание будет использовано для прощупывания позиций Советского Союза по основным вопросам нынешней и послевоенной внешней политики [4, с. 263]. Он предположил перечень вопросов для обсуждения, которые могут быть поставлены англо-американской делегацией. Среди них были и вопросы по поводу польско-советских отношений: о восстановлении дипломатических отношений между СССР и Польшей и о границах между СССР и Польшей. По вопросу восстановления отношений с Польшей имелся готовый проект ответа, который планировалось вручить министрам непосредственно на конференции. Что касается вопроса о государственных границах, то было сказано, что враждебная позиция польского правительства не способствует общей борьбе с гитлеровской Германией, а, напротив, ослабляет единство союзников. В связи с этим советское правительство не может доверять нынешнему польскому руководству и вынуждено пересмотреть ранее объявленную готовность к территориальным уступкам. Ранее

СССР выражал согласие установить границу на основе «линии Керзона» с небольшими отклонениями в пользу Польши. Но на данный момент Советский Союз не намерен идти на уступки и считает государственной границей линию, существовавшую на момент 22 июня 1941 года. Что касается возможного расширения Польши за счёт Восточной Пруссии, то советское правительство считает, что этот вопрос требует отдельного и дополнительного рассмотрения. Решение должно приниматься с учётом отношений Польши с союзниками по антигитлеровской коалиции, поскольку нет гарантий, что территориально усиленная Польша не сохранит враждебное отношение к СССР [4, с. 266–267]. Советская сторона стремилась максимально уяснить для себя, о чём конкретно собираются говорить союзники, и, исходя из этого, начинать прорабатывать собственную позицию по данным вопросам.

С первой половины 1943 года отношения между СССР и польским правительством в изгнании находились в состоянии глубокой взаимной враждебности. Правительство В. Сикорского считало, что вопрос о суверенитете Беларуси и Украины если и следует поднимать, то только для сдерживания территориальных притязаний СССР [5]. Отношения между советскими посольствами и польскими дипломатическими представительствами в Великобритании и США также оставались напряжёнными. Советский посол при правительствах в эмиграции ряда европейских государств в Лондоне А. Е. Богомолов сообщал об отказе поляков участвовать в советских мероприятиях, их активном обсуждении будущего Европы без учёта мнения СССР и отсутствии просоветских сил среди польской эмиграции [6]. СССР, в свою очередь, развернул пропаганду по защите границ 1941 года. В Великобритании был опубликован «Атлас СССР», где польские земли были включены в состав СССР, что вызвало протест польского правительства в эмиграции. Протесты привели к появлению Польши в довоенных границах в новой редакции атласов в 1943 году. Москва, в свою очередь, выразила протест правительству Польши в связи с выпуском в Лондоне польского календаря на 1942 год, где Вильнюс и Львов были обозначены как польские города. Советское правительство сочло оскорбительным определение территорий как вошедших в состав СССР оккупационным путём в 1939 году [7].

Советский Союз также принимал меры по поддержке польских коммунистов. Сначала, опасаясь общественного неодобрения, польские коммунисты уклонялись от конкретного определения будущей границы с СССР, ограничиваясь расплывчатыми заявлениями о праве на самоопределение для белорусов и украинцев. Однако советское руководство потребовало ясного заявления о неизменности границы по состоянию на июнь 1941 года, ссылаясь на волеизъявление украинского, белорусского и литовского народов. В ответ польские коммунисты обещали принять к сведению эти требования, но подчеркнули, что территориальные приобретения Польши на западе не должны рассматриваться как компенсация за потерю Западной Украины и Западной Беларуси. В меняющихся военно-политических обстоятельствах, под влиянием указаний из Москвы, пленум ЦК Польской рабочей партии (ППР) в январе 1943 года принял постановление, ознаменовавшее полный разрыв коммунистов с политическими силами, поддерживавшими правительство Сикорского [8]. При этом важно отметить, что даже после разрыва отношений с польским правительством в Лондоне в связи с Катынью, демонстрируя нежелание восстанавливать эти отношения, советское руководство не предпринимало шагов, которые могли создать впечатление, что оно готово сформировать и признать альтернативное польское правительство [9, с. 271].

Для подрыва легитимности польского правительства в эмиграции на мировой арене СССР активизировал усилия, направленные на углубление существующего кризиса в советско-польских отношениях. В январской ноте 1943 г. Москва заявила об аннулировании положения, содержавшегося в ноте советского правительства от 1 декабря 1941 г. Данное положение подразумевало готовность, с некоторыми оговорками, признать польское гражданство за лицами польской национальности, проживавшими на

территориях Западной Беларуси и Западной Украины до 1–2 ноября 1939 г. Это положило начало принудительной выдаче советских паспортов жителям присоединённых территорий [10, с. 342–343].

В попытке урегулировать нарастающие противоречия 20 и 26 февраля 1943 года состоялись переговоры польского посла Т. Ромера с И. В. Сталиным и В. М. Молотовым, на которых польский дипломат пытался заручиться поддержкой советского лидера по вопросу возобновления военного сотрудничества между двумя странами. Т. Ромер выдвинул конкретные предложения по формированию новых польских воинских частей на территории СССР, возможном возвращении армии Андерса на советско-германский фронт, организации масштабной диверсионной деятельности польского сопротивления в поддержку Красной Армии. Однако Сталин, отвергая эти предложения, мотивировал свою позицию заботой о безопасности польского населения и подпольных структур, которые могли подвергнуться жестоким репрессиям со стороны оккупантов [10, с. 369]. Это объяснение выглядело противоречивым на фоне активной советской пропаганды, призывавшей поляков к массовому сопротивлению. Такая позиция свидетельствовала о том, что СССР стремился сохранить монополию на организацию антифашистского сопротивления и не был заинтересован в военном сотрудничестве с польским эмигрантским правительством. Особую озабоченность Москвы, вероятно, вызывало то, что диверсионная деятельность могла активизироваться именно в восточных регионах бывшей Польши, которые в 1939 г. вошли в состав СССР. Как следствие, советская сторона блокировала создание в СССР польских вооружённых формирований, подконтрольных лондонскому правительству. Таким образом, СССР реализовывал стратегию вытеснения польского правительства из всех сфер военно-политического влияния. Также обсуждался вопрос границы: Т. Ромер отметил, что передача польских территорий СССР происходила без участия польского правительства, на что И. В. Сталин ответил, что легитимность границы основана на воле народа, выраженной на выборах в Западной Беларуси и Западной Украине в октябре 1939 года [10, с. 370]. Прошедшие встречи Т. Ромера с советским руководством не имели серьёзного позитивного результата. Стороны не отступили от прежде занимаемых позиций. Для поисков выхода из тупика польское правительство искало поддержки у Великобритании и США.

В марте 1943 года состоялся визит британского министра иностранных дел Э. Идена в Вашингтон. Цель визита – обсуждение вопросов, касающихся будущего Центральной и Восточной Европы после предполагаемой победы над нацистской Германией. Особое внимание уделялось судьбе Польши и определению её восточных границ. В ходе переговоров США и Великобритания фактически согласились на существенные территориальные уступки со стороны Польши в пользу СССР. Э. Иден высказался в пользу присоединения к Советскому Союзу прибалтийских стран и передачи ему территорий, входивших ранее в состав Польши. Президент Ф. Д. Рузвельт выразил мнение, что вопрос о восточных границах Польши должен решаться исключительно между США, Великобританией и СССР. При этом было оговорено, что конкретные размеры территориальных приобретений СССР будут определены позднее. Это оставляло для западных лидеров простор для манёвра в ходе дальнейших переговоров с СССР. Польская сторона была полностью исключена из процесса принятия решений, касающихся её будущих границ и территориальной целостности. Информация о результатах переговоров была передана британской стороной послу И. М. Майскому [1, с. 367–373]. Переговоры в Вашингтоне продемонстрировали, что США и Великобритания не собираются осложнять отношения с СССР поддерживая позицию Польши относительно ее границ. Секретность достигнутых в ходе британо-американских переговоров соглашений подчёркивает неоднозначный и, с точки зрения польской стороны, несправедливый характер принятых решений.

13 апреля 1943 г. германское радио объявило об обнаружении массовых захоронений польских офицеров в Катынском лесу под Смоленском. НКВД напрямую обвинялось

в расстреле польских военнопленных [1, с. 394]. 17 апреля премьер-министр В. Сикорский обратился в Международный Красный Крест с просьбой расследовать расстрелы в Катыни. 20 апреля он также направил запрос в Москву относительно Катыни [11, с. 152]. Ответом стала нота советского правительства, в которой оно заявило о решении прервать отношения с польским правительством в Лондоне. В ноте советская сторона назвала поведение польского правительства нарушающим союзнические отношения. Оно обвинялось в том, что «поддержало клеветническую кампанию немцев» о расстреле польских офицеров, не обратившись к СССР за разъяснениями. Москва считала, что Польша использует происшествие в Катыни как средство нажима на советское правительство с целью вырвать у него территориальные уступки за счёт интересов Советской Беларуси, Советской Украины, Советской Литвы. В связи с этим советское правительство решило прервать отношения с польским правительством [1, с. 356–357]. СССР не признавал своей ответственности за катынский расстрел, т. к. это могло подорвать его международный авторитет. Советское руководство стремилось контролировать информацию о событиях в Катыни, чтобы избежать распространения антисоветских настроений, сохранить свой имидж в глазах мирового сообщества и не навредить отношениям с Великобританией и США. Признание ответственности могло привести к дезертирству и снижению боеспособности польских частей, сражавшихся на стороне СССР. Незадолго до начала конференции в Москву поступали сведения о подготовке польского правительства к оказанию сопротивления Красной Армии при вступлении её на территорию Польши. Польское правительство рассчитывало на поддержку США и Англии. Москвой допускалось, что они знают об указанных инструкциях польского правительства и, раз молчат, значит, одобряют их [12, с. 358].

В преддверии конференции министров иностранных дел в политике ведущих государств Антигитлеровской коалиции актуализировался и польский вопрос. Советская позиция была изложена в ноте, переданной В. М. Молотовым послам США и Великобритании 27 сентября 1943 г. В ней указывалось, что вхождение Западной Беларуси и Западной Украины в состав СССР является результатом волеизъявления их народов, и вопрос об их территориальном статусе уже окончательно решен. 5 октября британский Военный кабинет обсуждал меморандум А. Идена, посвященный польскому вопросу. В названном документе отмечалось, что политика Лондона не должна оппонировать советскому постулату в отношении линии Керзона как основы новой границы. Вместе с тем указывалось на необходимость предпринять усилия в пользу ее модификации. В частности, ставилась задача обеспечить польскому государству, как минимум, Львов. Позиция американской дипломатии в тот момент принципиально соответствовала направлению дискуссий, проходивших среди английских политиков [13, с. 182–183]. Таким образом, накануне Московской конференции СССР однозначно считал вопрос о включении в свой состав Западной Беларуси и Западной Украины окончательно решенным. Лондон и Вашингтон всё более прагматично смотрели на советско-польские отношения и, учитывая успехи Красной Армии, готовы были идти навстречу Советскому Союзу в вопросе его границы с Польшей. Как обосновано отмечается в 12-м издании «Великая Отечественная война 1941–1945 годов», советская политика на польском направлении определялась прежде всего стремлением обеспечить безопасность страны с учётом уроков межвоенного периода. Решение проблемы безопасности виделось Москвой «в наращивании глубины обороны, прежде всего на западном направлении, служившем основным коридором вражеских вторжений». Для этого следовало создать пояс безопасности «из дружественных государств, которые бы шли в фарватере советской внешней политики» [9, с. 246–247]. Следует согласиться с присутствующим в историографии тезисом, что ни Черчилль, ни Рузвельт, для которых архиважной задачей был разгром вермахта силами Красной Армии, не относили к приоритетам своей политики территориальные споры польского правительства с СССР [14, с. 253].

19 октября 1943 года состоялось официальное открытие конференции в Москве. Польский вопрос не был главной темой встречи министров иностранных дел трех государств, и его обсуждение состоялось лишь на одиннадцатом заседании, 29 октября.

Э. Иден заявил, что британское правительство заинтересовано в урегулировании польского вопроса, так как оно сыграло значительную роль в заключении советско-польского соглашения в 1941 г. По мнению британской стороны, возобновление дипломатических отношений между СССР и Польшей важно для урегулирования проблемы поставок польскому движению Сопротивления оружия и военных материалов. В. М. Молотов подчеркнул, что отношения с Польшей являются для СССР, как для соседа, вопросом первостепенной важности. Советский Союз стоит за независимую Польшу и готов помочь ей, но при условии, что в Польше будет дружественное СССР правительство, чего в настоящее время не наблюдается. Что касается возможности посредничества, то, как отмечал Э. Иден, Великобритания в силу своих договоров и с Польшей, и с СССР заинтересована несколько больше и готова помочь, но не знает, чем именно. В. М. Молотов возразил: несмотря на давние заявления польской стороны о желании хороших отношений с СССР, ситуация не сдвигается с места [15, с. 234–236]. На этом обсуждение польского вопроса закончилось. По итогам Московской конференции западные дипломаты сделали однозначный вывод, что в вопросе границы с Польшей СССР не пойдет на уступки [13, с. 185–186].

С точки зрения упрочения Антигитлеровской коалиции, Московская конференция прошла конструктивно. Она продемонстрировала, что союзники окончательно перешли от разговоров о совместной борьбе с агрессорами к конкретным действиям. Встреча очертила примерный круг вопросов, которые будут затронуты на встрече лидеров в Тегеране. Но каких-то сдвигов касательно решения польского вопроса не случилось. Советский Союз в преддверии Тегеранской конференции готовил почву для закрепления своей западной границы по состоянию на 22 июня 1941 года. Этой цели были подчинены все дипломатические манёвры Москвы. Также СССР пытался использовать любую возможность, чтобы подорвать авторитет польского эмигрантского правительства и представить его как недружественное и неспособное к сотрудничеству, одновременно создавая условия для прихода к власти в будущей Польше лояльного Москве руководства. Крупным успехом Советского Союза было то, что он сумел сделать польский вопрос предметом переговоров не с польским правительством, а с лидерами США и Великобритании.

Источники и литература

1. Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. : в 2 т. – М. : Политиздат, 1983. – Т. 1. – 542 с.
2. Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. / под ред. А. А. Громыко – М. : Политиздат, 1989. – 403 с.
3. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. : в 6 т. / под ред. А. А. Громыко. – М. : Издание политической литературы, 1984. – Т. 2. – 389 с.
4. СССР и германский вопрос. 1941–1949 гг. : Док. из Арх. внеш. политики Российской Федерации / сост. Г. П. Кынин и И. Лауфер. – М. : Международные отношения, 1996. – 784 с.
5. Great Britain. General. 1943 [Electronic resource]. – Mode of access : <http://szukajwarchiwach./800/42/0/-/48.jpg>. – Date of access: 25.03.2025
6. Из письма посла СССР при союзных правительствах в Лондоне народному комиссару иностранных дел СССР. 15 октября 1942 г. – URL: http://agk.mid.ru/Data/6_4_267.jpg (дата обращения: 14.03.2025).
7. Soviet Union. Territorial dispute with Poland. Reaction from abroad [Electronic resource]. – Mode of access : <http://szukajwarchiwach.pl/800/42/0/-/58.jpg>. – Date of access: 10.03.2025.
8. Лебедева, Н. С. Коминтерн и Польша. 1939–1943 гг. / Н. С. Лебедева // Международная жизнь – 1993. – № 8 – С. 147–157.

9. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. : в 12 т. / ред. комис. В. Г. Титов и др. – М. : Кучково поле, 2014. – Т. 8: Внешняя политика и дипломатия Советского Союза в годы войны. – 864 с.

10. Советско-польские отношения в 1918–1945 гг. : в 4 т. / под ред. М. М. Наринского, А. В. Мальгина. – М. : Издательство «Аспект Пресс», 2017. – Т. 4. – 704 с.

11. Яжборовская, И. С. Катынский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях / И. С. Яжборовская, А. Ю. Яблоков, В. С. Парсаданова. – М. : «Российская политическая энциклопедия» (РОС-СПЭН), 2009. – 519 с.

12. Великий перелом: 1 июля – 31 декабря 1943 г. Органы Государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов / рук. группы авт.-сост. Ямпольский В. П. – М. : Политиздат, 2008. – Т. 4. – 816 с.

13. Барабаш, В. В. Беларусь в советско-польских отношениях в период Второй мировой войны : монография / В. В. Барабаш. – Гродно : «ЮрСаПринт», 2017. – 398 с.

14. Великая Победа : в 15 т. / под общ. ред. С. Е. Нарышкина, А. В. Торкунова; МГИМО МИД России. – М. : МГИМО–Университет, 2015. – Т. 5. – 364 с.

15. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.: в 6 т. / под ред. А. А. Громыко. – М. : Издание политической литературы, 1984. – Т. 1. – 513 с.

УДК 327(497.2:497.1)«1945/1946»

А. П. Сальков

Белорусский государственный университет

РАЗРАБОТКА НАЧАЛЬНОЙ ИДЕИ БОЛГАРО-ЮГОСЛАВСКОГО СОЮЗНОГО ДОГОВОРА (ЯНВАРЬ 1945 – ИЮНЬ 1946 ГОДА)

Представления Югославии и Болгарии о форме федерализации были различными. Вариант Белграда предполагал немедленное вступление Болгарии в Югославию на правах субъекта. София исходила из паритетных отношений и поэтапного процесса. По совету Сталина Димитров выдвинул новую идею – заключения договора о дружбе и взаимопомощи, что вызвало возражения Тито. Англия как член СКК для Болгарии заблокировала эту возможность. Поэтому Москва приняла концепцию союзного югославо-болгарского договора как первого шага к будущей федерации. В Ялте Лондон выступил уже и против союзного договора. Так была разрушена концепция решения македонской проблемы через болгаро-югославский союзный договор. К марту 1946 г. утвердилась новая концепция договора с одновременным решением проблем Македонии и Западных покраин на основе размена. В июне 1946 г. было вновь отложено заключение союзного договора. В Болгарии развернулся процесс македонизации с фактическим отказом от традиционного непризнания македонского этноса.

В январе 1945 г. проходил визит югославской делегации в СССР. Ее глава, член ЦК КПЮ Андрия Хебранг, на встрече с И. В. Сталиным 9 января высказал территориальные претензии к Венгрии, Румынии, Греции, Италии и Австрии, сильно озадачив этим Сталина. В отношении Болгарии речь шла о принципах и сроках федерирования. Позиция Сталина исходила из путаных представлений о конфедерации, но «с перспективой дальнейшего полного объединения этих двух государств, основанного на принципе дуализма», и о создании «двуединого государства... по типу Австро-Венгрии». Сталин считал, что «к полному объединению надо стремиться – это будет эпоха в истории Европы. Но к этому надо идти этапами, начать с союза, с договора о взаимной помощи, а потом постепенно идти к объединению», предостерегая югославов от впечатления, что «болгар хотят проглотить» [1, с. 128–129]. В такую трактовку полностью укладывалась болгарская концепция федерации.